

Андрей Ротнов

---

*Жизнь
в рассрочку*

Роман
Часть первая

Андрей Ротнов
Жизнь в рассрочку

«Издательские решения»

Ротнов А. Ю.

Жизнь в рассрочку / А. Ю. Ротнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747081-4

Роман о современной молодёжи, о любви, о жизни. В романе рассматриваются проблемы жизни в социально-нравственном аспекте.

ISBN 978-5-44-747081-4

© Ротнов А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвёртая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жизнь в рассрочку
Роман. Часть первая
Андрей Юрьевич Ротнов

Зачем с судьбой играть, когда нет на руках ни козырей, ни масти.

© Андрей Юрьевич Ротнов, 2016

© Ирина Маркова, иллюстрации, 2016

Редактор Галина Арсенова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– Стас, ты слушаешь, что я тебе говорю? – сказал Генка, выходя из комнаты. – Что толку пялиться в окно?

Генка – единственный сын вполне обеспеченных родителей, самовлюблённый и пылкий юноша, пытавшийся любой ценой вырваться из-под опеки родителей. Родители Генки – зажиточные люди и в городке занимали солидное положение, всячески опекали своего дитя и потворствовали его прихотям. Генка не гнушался никаких компаний, расширяя свой круг общения. Он был высокого роста, худощав, не широк в плечах, про таких говорят: «оглобля». Восемнадцати лет от роду, Генка выглядел старше, вероятно, виной тому начавшая обозначаться лысина. Светло-русые редкие волосы, светлые брови и серенькие глазки, выпученные, как у рака, в особенности, когда он злился; прямой нос, едва появившийся пушок над верхней губой и кое-где торчавшая клоками мягкая щетина на подбородке. Генка и Стас – ровесники. Познакомились на вступительных экзаменах в горный институт, куда приехал поступать из провинции Стас. Генка поступил, а Стас срезался – не хватило баллов. Знакомство переросло в дружбу. Несомненно, их дружба стала ещё крепче и сблизила их после того, как они вместе поработали на стройке, куда Генку пристроил папаша, а Стас устроился по совету Генки. Казалось, Стас не обращал внимания на то, что говорил ему друг, и молча смотрел в окно, как тает на улице выпавший ночью снег. Думал о чём-то своём, но мысли путались, сплетаясь в клубок, не давая сосредоточиться. Небо было сумрачным, затянутым туманной пеленой. На дороге – слякоть и небольшие лужицы. Машины месили эту кашу и ехали гораздо медленнее, чем в хорошую погоду. Стас провожал их взглядом. Вернулся Генка, неся белую пластиковую табуретку с двумя чашками, наполовину наполненными чаем, и сахарницей с конфетами и печеньями. Ему хотелось выглядеть перед Стасом в доску своим, поэтому он не стал приглашать товарища на кухню, за стол, а приспособил табуретку под импровизированный стол. – Садись, Стас

– Молодой, ещё посадят, – очнувшись от забытья, ответил Стас, подходя от окна к дивану. Уселся, на него развалившись, закинув ногу на ногу.

– Ты не переживай ... – хотел было опять пофилософствовать Генка.

– Не знаю, что и делать, – перебил его Стас, – от Боба просто так не отделаешься.

– Это точно! Надо подумать!

– Может, обратиться за помощью к твоему отцу, – робко спросил Стас.

– Да что ты! – замахал руками Генка, не желая впутывать отца и где-то в глубине души, думая, что для него лично может быть прикрыта лавочка и свободный доступ к развлечениям, финансируемым родителями.

– Да он и слушать не станет.

– Ну что же делать? Как выкрутиться?

– Нужно, наверное, у кого-то перезанять.

– Да у кого? Я обежал уже чёртову кучу знакомых, да каких там знакомых, некому больше довериться. Все отговариваются – сами в долгу, как в шелку, вот и отказывают. – Извини! Я тоже помочь не могу, – сочувственно произнёс Генка, – стипендия ещё не скоро, да её и не хватит, а полученный расчёт уже потратил.

– А меня вообще с расчётом обули! – Генка встал, чтобы включить шикарный центр, стоявший в нише стенки, но Стас его остановил.

– Не включай! Без музыки тошно, на душе кошки скребут.

И на этот раз Стас не солгал.

– Спасибо, что не отказал, – сказал Стас, делая недовольную гримасу и ставя чашку с недопитым чаем на табурет.

– Не за что, на здоровье.

– Как не за что – морально поддержал да чаем напоил.

Стас направился к выходу и, включив в прихожей бра, присел на пуфик, обувая полусапожки. Снял с вешалки куртку, долго не мог попасть в рукава.

– Пока, завтра увидимся, – не застёгивая куртки, Стас шагнул за порог, – если, конечно, сегодня башню не свернут.

– Ты не сердись! До вечера ещё далеко, есть время. Что проклянется – забегу.

Стас пожал Генке руку и вышел. Захлопнулась дверь, и на один оборот щёлкнул замок.

На улице пахло сыростью, под ногами хлюпало, было неуютно и тоскливо. Ветер порывистый, но не сильный и не холодный. Стас не застёгивал куртку. При порыве ветра смешно топорщились чёлка и макушка, поскольку он был без шапки. Стас на вид крепыш, немногим меньше ростом Генки, но зато широк в плечах и мускулист. От порывов ветра и сырости на глазах появились слёзы. Симпатичное лицо Стаса под стать погоде, мрачнее не бывает. Ему не хотелось идти домой. Он не боялся, просто не хотелось оставаться один на один со своими мыслями. На улице всё-таки ходят люди, хотя это мало что меняло, но немного успокаивало и отвлекало от дум. Как ни старался Стас отвлечься от навалившегося уныния, глядя на прохожих, на птиц, перепархивающих с ветки на ветку, всё равно возвращался к этой теме, размышляя о своей проблеме. Можно было бы остаться ночевать у Генки, но это не решало ровным счётом ничего. Во что бы то ни стало нужно отдавать долг, как говорят, «долг платежом красен». Стас не знал, беря в долг, что уйдёт с работы в самый неподходящий момент и не получит расчёта. Можно было бы отдать часть, а остальное попросить обождать с неделю. Человек, одолживший Стасу деньги, шапочный знакомый. Встречались в компании у кого-то на квартире – был то ли чей-то день рождения, то ли праздник, то ли простая попойка. Стас даже имени не знал, все называли его Бобом. В компании Стас как-то нечаянно пожаловался на финансовые трудности, мол, скоро зима, а тёплых вещей нет, и Боб почти навязал ему эти деньги, сказав: «Отдашь, когда заработаешь». По разговорам, Боб был серьёзным в плане общения, но картёжник и мот. После отсидки не работал, а крутился в компании тёмных личностей и имел в качестве карманных денег круглую сумму, какую иному потребуется несколько месяцев зарабатывать. Вчера Боб пришёл к Стасу. Дверь открыла баба Маша, Стас у неё снимал комнату. Боб вызвал Стаса и сказал:

– Стас! Друган, я немного вкосячился, нужны «бабки», завтра зайду. К вечеру найди «капусту», знаю, ты корешок не хилый, базара нет, но пойми... Не подумай, что угрожаю, но знаешь, и по-другому могу. Ну, пока.

– Ладно! Попробую! – пообещал Стас.

– Только без проб, кентяра.

И они расстались. Теперь Стас бегаёт по знакомым, ищет деньги, для него сумма нешуточная. Задумавшись, Стас прошёл мимо своего подъезда. И машинально взгляд упал на стоящий «Мерседес», от которого уходил одетый в цивильное, с букетом роз, мужчина, держа в вытянутой руке пульт, направленный в сторону машины. Автомобиль пискнул, но сигнализация не сработала. Правая пассажирская дверь была закрыта неплотно. Мужчина торопился и, не обратив внимания, вошёл в подъезд. «Крутая тачка», – подумал Стас и невольно вспомнил своё недавнее прошлое. Будучи мальчишкой, в компании таких же оболтусов, «бомбил» машины. Налетая ураганом, они выворачивали магнитолы, колонки, зеркала и всё, что плохо лежало. Потом продавали, кому придётся. А на вырученные деньги гуляли: ходили в кино, покупали мороженое и пиво, угощали девчонок, подражая взрослым. Став взрослее, Стас одумался и решил начать новую жизнь, для этого уехал подальше от дома и друзей. И вот она новая жизнь... Машина, судя по столичным номерам, не местная. И, видимо, принадлежала бизнесмену или очень зажиточному мужчине. В ней, должно быть, есть чем поживиться. Не осознавая, что делает, автоматически, как под гипнозом, Стас подошёл к автомобилю, открыл

дверцу – тишина. Он открыл бардачок – там лежала пачка дорогих сигарет и несколько смятых купюр по пятьсот рублей. Стас собрал бумажки, не пересчитывая, отправил в карман, схватил сигареты, несколько аудиокассет, лежавших на полке под бардачком, и хотел убежать, но взгляд упал на заднее сидение – там стоял черный кейс и яркий пластиковый пакет. Стас схватил и то, и другое. Не захлопывая двери, бросился бежать. Ноша не очень тяжела, но доставляла неудобства. Стас на время забыл о своей проблеме, мыслях о долге, его обуял азарт охотника, преследующего свою добычу. Добежав до дома, Стас свернул за угол. С бега перешёл на быстрый шаг. Сердце учащённо билось, готовое вырваться, дыхание было частым и прерывистым. Кровь кипела, в висках стучало – адреналина сверх меры. Возвращаться домой с такой приметной ношей не имело смысла, его уже раздирало любопытство: что же он всё-таки украл? В это время Стас не думал ни о будущем, ни о последствиях – им двигали азарт, страсть и любопытство. Дойдя до стоянки такси, Стас сел в машину, стоявшую первой в очереди ожидавших клиентов, и сказал водителю: «В центр». Стас не думал, что за ним может быть погоня, хотелось побыстрее убраться от этого места и заглянуть в дипломат, для удобства положенный на колени. Таксист, разговорчивый мальчик, попытался завязать разговор вопросом: «Что, наверное, у подружки был, и внезапно муж вернулся, как в анекдоте?» У Стаса был такой вид, что можно подумать только об этом – всклокоченные волосы, неровное дыхание.

– Да нет! – ответил Стас. – Был у приятеля, ну и засиделись, а тут вспомнил, что у подружки день рождения, приглашён как раз к этому времени. Так что, если не приду, подружка рассердится. Стас врал, несколько не смущаясь и не краснея. Водитель сказал: «Намёк понял». Прибавил газу. Через несколько минут подъезжали к центру города.

– Куда ехать? – спросил шофёр.

Стас ещё плохо знал городок и назвал первую, слышанную от знакомых улицу и номер, написанный на увиденном доме.

– Э... брат, так мы уже проехали эту улицу, – сказал таксист, – подожди, доеду до перекрёстка, развернемся, и я мигом тебя домчу.

Стас от неожиданности того, что сделал оплошность, больше покраснел и покрылся испариной, стало не по себе, и на спине, под одеждой, защекотало. Таксист, занятый дорогой, не обращал на Стаса внимания. Доехав до перекрёстка, заранее перестроившись в левый ряд, он подождал, когда загорится зелёный сигнал светофора, тронулся и, пропустив встречные машины, развернулся и поехал к той улице, какую назвал клиент.

– Налево-направо? – спросил шофер, подъезжая к другому перекрёстку.

– Направо.

Таксист, снизив скорость, повернул направо, без умолку болтая о всякой всячине. Стас его не слушал, занятый своими мыслями. Почему-то вспомнился дом, родители, школа, и захотелось вернуться в детство, туда, откуда он недавно ушёл, и теперь уже навсегда. Проехав несколько кварталов с высотными домами, с вывесками магазинов, не таких, как на окраине, где он сейчас жил, увидев через дорогу небольшой скверик, Стас обратился к шофёру:

– Остановите машину.

– Таксист беспрекословно повиновался. Достав из кармана одну купюру, Стас рассчитался с водителем и, получив сдачу, вышел из машины. Делая вид, что торопится, Стас пошёл к дому напротив сквера и, дождавшись, когда машина скроется из вида, направился в сквер.

Глава вторая

Дым висел коромыслом. В сильно накуренной комнате, за круглым столом, стоявшим по- середине, сидели двое. Один из них «Боб» – Фёдор Бобыкин, другой – «Чугун» – Вадим Чугунов. Сидели молча, прищуривая полупьяные глаза, и только изредка кто-нибудь говорил: «Ходи». Они играли в карты. Стол заставлен бутылками с водкой, вином и разнообразной закуской: тарелки, блюдечки и салатницы с всякими яствами. На полу валялись окурки и пустые бутылки. Вадим – мужчина лет сорока, с лицом правильной формы. С выпиравшим вперёд подбородком, обросшим вчерашней щетиной; нос картошкой, расплюснутый у переносья, как у боксёра; густые, черные, как и волосы, брови, мутные серые глаза. Губы, немного распухшие, при удачном ходе вытягивались в ухмылке. Одет в брюки и майку. На открытых участках тела красовались тюремные наколки. Большая комната казалась пустой: мебели было мало. Большое окно и балконная дверь наполовину закрыты шторой, другая половина задёрнута тюлевой гардиной. В углу, на тумбочке с книгами, стоял телевизор, на нём – видеоплеер. На глухой части стены висел ворсистый ковёр с развешенными фотографиями в рамках, между ними – стенные часы с красной секундной стрелкой. Противоположная, оклеенная обоями стена, была голой. Из комнаты дверь вела в прихожую. Между дверью и стеной с ковром – ниша, прикрытая жёлтой с крупными красными цветами занавеской. Там стоял разложенный диван-кровать. Открылась входная дверь, вошёл мужчина лет пятидесяти и прошёл в комнату. В чёрном кожаном, не застёгнутом плаще и фетровой шляпе. Под плащом – тёмно-синий в полоску костюм, тёмная сорочка с серебристым галстуком. На ногах – чёрные лакированные остроносые туфли не по погоде. Взгляд карих глаз жёсткий, нос с горбинкой, чисто выбритый подбородок. Пальцы рук унизаны наколками и перстнями. Голос басовит. Это Борис Григорьевич Стапин; по схожести фамилии и манерой иногда говорить с кавказским акцентом и приветствовать по-грузински имел прозвище «Сталин». Внешне похож на кавказца, но русский, может с небольшой примесью кавказской крови.

– Ва-ах, дарагие! Гамар джоба, генацвале! Зрение меня не обманывает – хорошо вчера повеселились, – сказал Стапин, пододвигая ногой стул к столу, не вынимая рук из карманов.

– А чё, мы в натуре, мал-мал, расслабились, – заплетавшимися языками отвечали сидящие Чугун и Боб. – Хорош, братва, блибурдет разводить, – Стапин без приглашения сел, налил вина в фужер, выпил одним глотком, – у меня до вас касаето дело.

– Не блибурдет, а бардельеро, – попытался поправить Боб.

– Пасть закрой! Это у Шукшина в «Калине красной» бардельеро, а у меня пусть будет так! В нашем улусе обнесли залётного фраера. Он кричит: на минутку забежал к тёлке, а вышел – дверь «Мерса» расхлебьянина, пикалка не бачит. Тачку пощипали конкретно, утягли «авоську», а там «ловов» немеряно, аж десять косых зеленью. Но главное для него – бумажки – крутые бумажки! Чугун встрепенулся, пытаясь протрезветь. А Боб, кряхтя, встал и, пошатываясь, направился за занавеску, где спал, укрывшись простынёй, Ломакин. Рядом спала девушка.

– Подъём! Сеньор Ловелас! – толкнул в бок Ломакина Боб.

– У-у-у, – промычал Ломакин, – пошёл ты...

– Лом! Хорош нежится! – прохрипел Боб, – будем капусту рубить. Время – деньги, а у нас ни того, ни другого – всё пропили. Лом открыл глаза и приподнялся на локте. – Чё, горит что ли? – но, увидев Стапина, осёкся.

– Закрой пасть! – пробасил Стапин, наливая одной рукой вино в фужер, а другой, пытаясь вилкой поймать единственный оставшийся гриб в салатнице. – Подъём... подъём, – уже снисходительней сказал Стапин и опять одним глотком выпил вино, закусил наконец-то поиманным грибом. Лом вскочил и, стыдясь своей наготы, завернулся в простыню, стаскивая её с девушки. Общему вниманию предстало зрелище с округлыми пышными формами. Девушка

спала, раскинувшись, как ребёнок. – Короче, – сказал Стапин, – в авоське десять косых, дядька платит ещё столько же и те тоже будут наши, но при условии: мы находим того ухаля, что обнёс. – Бр-р-р, – встряхнулся Лом, отгоняя последний сон и натягивая на себя трусы, тельняшку и джинсы. Все остальные молчали, соображая и переваривая сказанное. Лом, одевшись, подошёл к столу, налил стакан водки, одним махом выпил, закусил солёным огурцом. – Вы больно-то не расслабляйтесь, – предостерегающе сказал Стапин, – дело-то предстоит серьёзное. Думаю, бомбил поц-профи, а не гастролёр. И к тому же из нашего улуса. Стапин расхаживал по комнате, топчя окурки и несильно пиная тару, чтобы она перекатывалась. Доставляя себе этим удовольствие. – Волыны не берите, – доставая сигареты, сказал Стапин, – и чтоб без шухера. – За какое время раскрутить эту байдю? – спросил Боб, услужливо поднося зажигалку. – Чем быстрее, тем лучше, – ответил Стапин, выпуская из ноздрей дым, послезавтра он ко мне заедет и скинет капусту, авансом, на текущие расходы. Чтобы мы не канителились, а крутились быстрее. Чугун вышел из комнаты. Лом начал ходить туда-сюда. Боб сидел, закрыв глаза, будто думая, но на самом деле дремал. Лом был здоровее и выше всех, широкоплеч и с накаченными, как у культуриста, мускулами. Светлые короткие волосы, огромный лоб, про который говорят: только поросят бить. Живые серо-голубые глаза, светлые, очень редкие, брови, сросшиеся над переносьем. Прямой, как выточенный, нос, узенькие усики, подбородок с ямочкой и узкие губы. На плече – татуировка с эмблемой ВДВ. – Мы должны порадовать фраера хоть какими-то бирюльками-результатами, – сказал Стапин, налил снова себе вина и выпил, – Он человек серьёзный, за него могут поручиться там, – и он указал на потолок. Прежде чем уйти, он ещё как бы в наставление добавил: – Наводите движняки и всё будет хоп! Оставшиеся призадумались. Вошёл Чугун и, придя к дивану; ущипнул спящую девушку, легонько шлёпнул ладонью по ягодице.

– Вставай, страна – труба зовёт, – засмеялся своей шутке Чугун. Девушка проснулась и, увидев, что перед всеми обнажена, покраснела лицом и потянулась за халатом, висевшим на гладильной доске у стены.

– Что пялитесь? Страдальцы! Гляделки сломаете, – сказала девушка ещё сонным голосом и, накинув халат, зашлёпала босыми ногами по полу, бубня при этом, – насвинячили, паразиты, как на базаре. Убирай потом после вас. Хоть бы не харкали на пол, не свинюшник же. Лом, Чугун и Боб засмеялись.

– С чего начнём? – первым прервал смех Лом.

– Ты, Лом, вызывай Руля, – попытался руководить действиями Чугунов, как старший по возрасту, – прошвырнись с ним до авторитетов, к самому, может он чего раскачает. А ты, Боб, пообщайся с местной шпаной. А я до Болта.

– Добро, – нехотя согласился Боб.

– А мне надо ещё домой заскочить – матушку попроведать, – выдал Лом, – с этими пьянками и дом забудешь.

– Ладно, ладно, – не возражал Чугун, – созвонимся и встретимся у тебя. Девушка – хозяйка квартиры – молча смотрела, пока мужчины совещались, и потягивала кофе, она пока не при делах и никуда не собиралась; ей ещё предстояла уборка квартиры после вавилонского столпотворения. Боб и Чугун вышли на лестничную площадку, Лом выходил последним. На пороге девушка его задержала.

– Серёж, ты сегодня придёшь? – спросила она и чмокнула его в губы.

– Как получится, если дела не задержат, – ответил он, – ты к вечеру сваргань пожарть и про пиво не забудь.

– Ладно! – сказала девушка и у неё на глазах отчего-то навернулись слёзы.

– Ну, ... ты... это... Света... кончай, – запинаясь, сказал Лом.

– Я ночью сегодня кончила, – ответила девушка и захлопнула дверь. Света – невысокого роста, с русыми волосами. Круглолица, не худая и не толстая, про таких говорят: всё при ней.

Волосы до плеч, иногда она их собирала сзади в хвост; лоб закрывала чёлка, светлые, узкие, едва заметные брови, зато длинные ресницы и огромные, цвета неба, глаза; чуть вздёрнутый носик и припухшие губки, крашенные в редких случаях. Света любила Ломакина и терпела его выходки и прибабасы его друзей. Чугун, Боб и Лом вышли из подъезда и до угла дома дошли вместе. – Встречаемся у меня дома, – доставая мобильник, сказал Лом, – какие заморочки – сливайте на трубу. Погнались, пока ветер без сучков. Он набрал номер и, когда ему ответили, сказал:

– Нужна тачка, жду через пятнадцать минут. Мужчины разошлись, не прощаясь. С утра было солнечно и безветренно. Внезапно налетел ветер, небо заволокло тучами, посерело. Воздух увлажнился, пошёл мелкий снег, усиливаясь, становясь всё крупнее и крупнее, кружась огромными снежинками. Улица, как по мановению, стала белой, до слепоты в глазах. Деревья и кустарники окутаны инеем, на стволы, ветки налип снег, идущий большими хлопьями. При порывах ветра снег слетал с веток, и, казалось, что он валит ещё сильнее. Но это явление быстро прошло – как налетело, так мгновенно и кончилось. Притих ветер, почти прекратился снег, и только небо всё ещё оставалось серым. Лом быстрым шагом дошёл до кафе, расположенного в подвале дома. У порога сбил с ботинок налипший снег и вошёл внутрь. Спустился по лестнице, устланной ковровой дорожкой, оставляя мокрые следы своих ботинок. На стенах, по обеим сторонам, через равные промежутки, висели светильники. В конце лестницы – открытая дверь, проём увешан гирляндами. Слева от входа – барная чёрная пластиковая стойка, отражавшая витрину с бутылками разных напитков. В небольшом зале шесть столиков в два ряда, с перевёрнутыми на них пластиковыми стульями. За стойкой – никого. Посетителей не было.

– Эй, на барже! Лом приплыл, – Лом сел на высокий табурет у стойки, любуясь своим отражением в пластике. На зов вышла девушка, завязывая сзади белый в синий горошек фартук. Увидев Ломакина, приветливо улыбнулась.

– Как всегда? – спросила девушка.

– Да! И в двух экземплярах, – улыбаясь, ответил Лом. В кафе он был частым посетителем, его здесь знали все работники. Барменша налила из термоса на стойке две чашки кофе и поставила перед Ломакиным. Поставила на стойку сахарницу с быстрорастворимыми кубиками сахара, бросила в каждую чашку по кубику и аккуратно, чтобы не греметь, поставила в чашки чайные ложки и ушла в подсобку. Заиграла лёгкая приглушенная ненавязчивая музыка, девушка вернулась за стойку, ожидая, что ещё закажет Ломакин.

– Приготовь столик в углу, – повелительно выдал Лом, – и принеси чего-нибудь, а то так есть хочется, что переночевать негде. Девушка ушла. Из подсобки вышел сонный, неряшливый по виду парень и принялся расставлять стулья, начиная со стола в углу. Снова вышла девушка, вымученно, но приветливо улыбаясь, неся в руках поднос. Без суеты накрыла столик белой скатертью, поставила стакан с салфетками. Разложила ложки, вилки, ножи, поставила перечницу с солонкой на подставке и поднесла Ломакину меню.

– Не хочу читать, выбери сама, – сказал Лом. И принялся рассматривать девушку, будто видел в первый раз. Она уловила взгляд, засмушалась, щёки налились румянцем, отошла в сторону. Лом смотрел и удивлялся, как он раньше не обращал внимания на девушку. Её короткая стрижка тёмных, жгучих, зачесанных назад волос, зрительно увеличивала затылок. На голове – диадема, утыканная стеклярусом; узкий гладкий лобик, как чёрточки, чёрным карандашом брови и круглые-круглые глаза. Аккуратный с горбинкой носик, над верхней губой едва заметный пушок. Тонкие, ярко покрашенные, делающие рот большим губы. Было в ней что-то итальянское, она напомнила Сергею собственную мать в молодости. На девушке, под фартучком, светло-салатовая, с пышными рукавчиками блузочка и тёмно-синяя, почти чёрная короткая юбочка. На фартучке джойстик с её именем – Карина. «Вот-вот, чем-то смахивает на итальяшку», – думал Сергей. Хлопнула входная дверь, на лестнице раздались шаги. Щурясь после

яркого света и снега, привыкая к полумраку в кафе, вошёл невысокого роста, плотный и костистый, широкоплечий парень. Привыкнув к мрачному свету, направился к Ломакину, вытянув театрально для приветствия руку.

– Здорово-здорово, коль не шутишь, – Ломакин пожал вошедшему руку.

– Привет! В чём проблема? Вошедшего тоже звали Сергей, но из-за тяги к технике, машинам, тракторам, будь то хоть соковыжималка, имел прозвище «Руль». У Руля карие глаза, тёмные прямые волосы, обыкновенный небольшой нос; когда улыбался – обнажались ровные и белые зубы. Одет был налегке: джинсы и лёгкий пиджачок, голова не покрыта, на поясном ремне висел телефон.

– Бери кофе и пошли за столик. Есть базар, – Лом направился к накрытому столику, Руль за ним. Они сели, подошла Карина с подносом, выставляя на стол тарелку с пельменями, салат из свежих помидоров и огурцов, заправленный майонезом. На маленькой розетке – черная икра, графинчик с коньяком и две стопочки.

– Вы будете что-нибудь кушать? – обратилась девушка к Рулю.

– Нет! – ответил категорически Руль, – а вот кофе выпью.

– А я похаваю! – улыбнулся Лом и, хотя он не хотел обидеть девушку, добавил, – исчезни.

– Ну и... – Руль приготовился слушать. Когда барменша отошла на почтительное расстояние к барной стойке, Лом объяснил товарищу суть дела, продолжая уничтожать принесенную ему еду.

– Надо постараться поскорее развести стрелки. Усёк? Между прочим, хорошие бабки светят и надо пошевелиться, – закончил он.

– Я, как пионер, всегда готов.

– То-то же. Чугун с Бобом, наверное, во всю пыряют.

– Так, поехали...

– Надо же подкрепиться и здоровье поправить. Тем более после вчерашних возлияний.

– Базара нет, – ответил Руль, делая жест рукой официантке. Девушка-барменша, улыбаясь только одному Ломакину, принесла чашку кофе, поставила на стол, забрала пустую посуду и спешно удалилась восвояси.

– Сколько будет на брата? – спросил Руль, одобрительно причмокивая, потягивая кофе.

– Точно не знаю, – пожал плечами Лом, – но думаю, что никому обидно не будет. Таксистом столько не заработаешь. Лом потянулся к графинчику и наполнил стопку, Рулю он не предлагал, зная, что за рулём тот ни-ни. Они закончили и встали, подошла барменша. Лом протянул ей пятисотенную бумажку.

– Сдачи не надо, – вежливо сказал Лом, видя, что девушка считает что-то на калькуляторе. Выйдя из кафе, Лом и Руль сели в джип, припаркованный у тротуара. Боб выглядел вполне счастливым, слегка покачиваясь, он не спеша прогуливался по дворам своего района, заглядывая в укромные уголки, скрытые от глаз, где обычно собирались подростки компаниями, не занятые учёбой или просто по каким-то причинам прогуливающие занятия.

– Привет, братва, – приветствовал Боб мальчишек и девчонок. Боб щедро угощал всех сигаретами, непринуждённо заводя беседу о том, о сём.

– Ну что, студенты прохладной жизни, как жизнь половая, всё в подполье обитаете? – продолжал Боб. – Хорош, прикалываться, Боб, – отвечала компания. – Ладно, не кипишись, пацаны, – успокоил Боб, – а ты, Малой, сгоняй в магазин, – обратился он к рослому парню, – возьми что-нибудь для успокоения души. Да про закуску не забудь. Хоть пирожок возьми. Только не тот, что на углу валяется, – и протянул парню измятую купюру.

– Ладно, – ответил парень.

– А мы тут пока взаимобоюдно побеседуем о вреде курения и прочего, – сказал и чуть ехидно захихикал Боб, – вы не против девочки?

– Да нет, Боб! – ответили весело девочки. – Правда, я сейчас без бабок, и поэтому посидим скромно, – признался Боб, – но к вечеру будет капуста, тогда и гульнём.

– А ты что жениться вздумал? – пошутили девочки.

– Да что вы! Ни в коем разе. Мамка может заругать.

... Чугун направлялся в один известный всему городку ресторанчик, расположенный в отдельно стоящем двухэтажном здании старинной постройки. У подъезда беспорядочными рядами стояли автомобили. Вадим знал, где собирается такая же братия, как и он сам. Вошёл. На двери звякнул колокольчик. Вестибюль был сплошь увешан зеркалами, будто зеркальные стены. Он прошёл мимо гардеробной прямо в зал.

– Ну и погода... прости меня, мама, – чертыхнулся басом Вадим, несвойственно для занимаемого им положения в блатной иерархии, отряхивая с кожаного плаща налипший снег кепкой. Несколько человек, стоявших у стойки бара недалеко от входа, обернулись. Чугун здесь бывал нечастым гостем. Посреди ресторанчика приподнятая эстрадная площадка. На ней стоит ударная установка, клавишный аппарат, за которым восседал мужчина лет пятидесяти в черном с блестками пиджаке. Вокруг него расхаживали две молоденькие девочки в белых блузочках и коротеньких юбочках, едва прикрывавших нижнее бельё. Девочки пели, подражая модному шлягеру. Все столики были заняты. «Когда люди пашут?» – подумал Вадим. Не обращая внимания на сидевших и галдевших посетителей, от которых в добавление к музыке звенело в ушах. Вадим прошёл через весь зал к лестнице на второй этаж. Поднявшись, он прошёл по коридору, отделанному цветным пластиком и заглянул в первый банкетный зал – там никого не было. Прощёл дальше. Из двери, которая напротив второго банкетного зала, вышел здоровенный парень с курчавой шевелюрой, прилично одетый. На нём была белая батистовая сорочка с бабочкой, а через плечо перекинута портупея с наплечной кобурой.

– Утю-тю-тю, – тихо произнёс Вадим.

– Что вам нужно? – поинтересовался амбал.

– Свиридова! Сви-ри-до-ва, век воли не видать, – нервозно ответил Вадим.

– Вот сюда... пожалуйста..., – вежливо, но не терпящим возражений тоном сказал парень и указал на открытую дверь, откуда он вышел. Чугунов молча вошёл в комнату и без приглашения плюхнулся на стул рядом с другим охранником, точно таким же, как и первый. «Что у них, сходняк что ли?» – думал Вадим, начиная уже нервничать. В комнату вошёл в сопровождении охранника нужный ему человек. Это был Свиридов, по кличке «Болт». Вор в законе, имевший авторитет среди воров не только городка, но и в столице и по всей России. Выглядел он солидно. В элегантном чёрном костюме, в белой сорочке с черным полосатым галстуком. Рот расплылся в улыбке, голубые глаза светились добротой. Свиридов пожал руку Чугунову.

– Прошу, – Свиридов указал рукой, куда следует идти. Они вышли вместе из комнаты, прошли по коридору мимо нескольких запертых дверей. У одной из дверей они остановились.

– Прошу сюда, – Свиридов толкнул дверь, пропуская вперёд Вадима. Комната напоминала гостиничный номер. У стены стоял диван, напротив, ближе к углу, два кожаных кресла, между ними журнальный столик со стаканом, наполненным салфетками, с настольной лампой с желтым абажуром и глиняной вазой с цветами. В комнате было светло, шторы были отдернуты.

– Присаживайтесь, – Свиридов указал на диван. Сам сел в кресло напротив. Он достал сигареты, угостил Вадима и закурил сам.

– Слушаю вас. С чем пожаловали? – галантно поинтересовался Свиридов у Вадима.

– Базар есть, – без церемоний отвечал Вадим, – к Сталину приехал кореш из столицы, а его тачку бомбанули. Бабки стянули, ну и прочее. Да хрен с ними с бабками. Главное – бумаги какие-то пропали.

– Печально, печально! – выпендривался Свиридов.

- Ты, Болт, потряси своих охламонов.
- Базара нет, – отвечал Свиридов, – чем смогу!

Глава третья

– Ну и дачи, целый курятник, – будто в первый раз видел, удивлялся Руль. Ломакин и Руль въезжали в деревню, километрах в тридцати от городка, на самом деле похожую на курятник. Маленькие, низенькие деревянные срубы с бревенчатыми хозпостройками, похожие на избышки на курьих ножках. Но чем дальше они углублялись в деревню, тем крупнее и выше оказывались строения. Бревенчатые дома сменялись каменными постройками. Впереди показалась усадьба с домом в несколько этажей, с балконом и колоннами. А за усадьбой виднелся хвойный лес, отливающий синевой. Руль остановил джип у железных ворот с вензелями. Надпись, написанная большими синими буквами, гласила: «Осторожно! Частная собственность! Охраняется собаками!» По обеим сторонам ворот – видеокмеры. Ворота открылись, и джип въехал во двор. Руль припарковал машину у подъездной лестницы. Лом вышел из автомобиля. Потянулся и направился в дом. В дверях Ломакина встретил невысокий худощавый охранник с автоматом «УЗИ» через плечо и проводил в холл.

– Олег Фёдорович в бильярдной, – сказал он. Холл был само великолепие. Пол устлан коврами, висели канделябры с электрическими лампочками. Множество дверей, окрашенных в белый цвет, с медными блестящими ручками-набалдашниками. У стены стояло трюмо, видимо, старинной ручной работы. Графский дворец, да и только. «Простые люди так не живут», – подумал Сергей, поднимаясь по широкой, отделанной мрамором лестнице. На втором этаже Сергей вошёл в бильярдную. Огромная комната, посередине – стол с зелёным сукном; у стен – стулья, кресла, приспособления для игры, застеклённый шкафчик-бар с различными напитками. Большие зарешеченные окна выходили в уже опустевший, с голыми деревьями и кустарниками сад. У стола стоял преклонных лет мужчина. Сергей знал, что ему шестьдесят пять. Мужчина полный, упитанный; короткая, бобриком стрижка; пухлые щёки; расплывшийся, со шрамом, нос; умные зелёные глаза; припухшие губы; двойной подбородок; редкие брови. Видно, человек не голодал, холил и лелеял себя. Припухшие ладони, руки в наколках, отёкшие пальцы, унизанные перстнями и кольцами, синеют татуировками. Мужчина был одет в спортивный костюм и бейсбольную кепку козырьком назад, лицо сосредоточенно и серьёзно, в руках кий. Он целился по шару, пытаясь сыграть на чужом. Шары раскатились, ударяясь о борта, но ни один не попал в лузу.

– Промазал! Ёшкин кот! – сказал он. – С чем пожаловал, Лом?

– Неприятности у нас, Олег Фёдорович.

– А что ж вы хотели? Одни неприятности? – щурясь и улыбаясь, пропел Чарыкин (тюремное погоняло – Чарли).

– Да не... – засмутился Лом. – Всё воруете, воруете, и одни неприятности. Воровать надо меньше. – Да тут такая непонятная история... – А вы живите по понятиям! Вот и будет всё понятно. Раскачивай, раскачивай. Только не крои, всё равно прочухаю. Ломакин поведал о кейсе, деньгах и бумагах. Чарли всё время кивал, вроде одобряя рассказ.

– Олег Фёдорович, вы поможете по своим каналам раскрутить эту делюгу? – Базара нет! Можно предположить, что это сделал кто-то из наших. Ну, например, Боб. Спецов как он – раз-два и обчёлся. Тачку-то вскрыли?

– Вполне допускаю. Боб несколько дней где-то пропадал. Только этого не может быть.

Чарли промолчал, над чем-то размышляя. Прошное Чарли было тёмным, покрыто мраком, как и настоящее. Когда на воровском сходняке Чарли был избран смотрящим за городом, дела воровской шпаны были не в лучшем виде. По своему географическому положению городок считался нейтральной территорией для Московской и Питерской братвы, и являлся местом встреч, переговоров и разборок. Когда Чарли достиг пенсионного возраста, в его жизни внезапно всё переменялось. Будто фортуна улыбнулась. Наладились связи не только с блатными

авторитетами, но и с властью имущими. Чарли стал обладателем нескольких магазинчиков, приносящих ему немалый доход, кроме того, он сделал вложения в энергетический бизнес, получая круглые суммы в виде дивидендов. И ещё он имел солидный куш от поступлений в воровской общак, хотя казначеем и смотрителем воровской кассы был Болт. За очень короткий срок Чарли создал свою воровскую империю, где всё было подчинено понятиям воровского братства. Даже городские государственные структуры считались с мнением Чарли. Городок, конечно, не был запуган, но никто не хотел повторения творившегося беспредела до вступления в свои полномочия смотрящего вора в законе Чарли. Просителей и ходяков было не менее тех, что обращались за помощью в мэрию. Казалось, у Чарыкина всё под контролем. Городская шпана тихонько приворовывала то, что плохо лежит. Воровские группировки потихоньку рэкетировали, облагая данью торговцев на рынке и средней руки бизнесменов. И от всех поступали вложения в воровской общак, тем самым увеличивая сумму воровской кассы. А на городском общаке распределяли, сколько и куда вложить или сколько отправить на курируемую зону для поддержания блатарей, находящихся в местах заключения. Если до Чарли доходили слухи о не слишком почтительном отношении своих подопечных к престарелым родителям, или, не дай Бог, кто-то из воров обокрал стариков-пенсионеров, Чарли взрывался и жестоко наказывал зарвавшихся молодчиков, посмеявших нарушить кодекс чести вора в законе. Олег Фёдорович большую часть своего времени в будние дни проводил в городе и лишь по выходным выезжал на лоно природы, к себе на дачу. Отдыхая душой и телом, ходил на лыжах, бродил с ружьём по лесу и, по возможности, охотился. А то просто часами проводил время за игрой в бильярд. Ломакин, чтобы заполнить возникшую паузу, робко предположил: – Может, кто у вас играл на большую сумму, или кто-то из игроков внезапно вернул большой долг?

– Может быть, может быть, – поддержал предположение Чарли, – только у нас всегда играют на большие деньги. Зато и в общак хорошо отстёгивают.

– Знамо дело!

– Только сдаётся, что дело не совсем чисто, кроит ваш столичный гость, чего-то не договаривает, что-то скрывает, а, может, это просто очередная провокация какой-нибудь группировки. Знаешь, сколько их развелось сейчас, и каждый норовит вылезти в блатные, не соблюдая никаких законов, беспредельщики, одним словом, – закончил свою мысль Чарыкин. Он положил кий на бильярдный стол, подошёл к бару, достал красивую плоскую бутылочку с коньяком и налил две стопочки до половины. – Ты же знаешь, как эти альфонсы за бабки покупают себе авторитет, уплатил – и стал вором в законе. Менты с генеральскими чинами тусуются на сходнях, а суки лезут в депутаты. За тесное сотрудничество! Крякнув по старчески, выдохнув воздух, Чарли опрокинул содержимое в рот. Ломакин последовал его примеру.

– Не хочешь со мной пообедать? – спросил Олег Фёдорович.

– Нет-нет, покорнейше благодарю! – стараясь вежливостью компенсировать отказ, отклонил предложение Сергей, – у меня ещё есть движения.

– Ну что ж, хозяин-барин, будут проблемы – милости прошу наведываться, а то забываете старика. – Указав жестом на дверь и пропуская Ломакина вперёд, Чарыкин вышел из комнаты. Затем, громко крикнув «Саша!», он вошел в открытую дверь другой комнаты и подошёл к раковине помыть руки. Из соседней комнаты вышел рослый парень в камуфляжной форме.

– Проводи гостя, – приказал Чарыкин, давая понять Сергею, что аудиенция окончена. Ломакин, сопровождаемый охранником, спустился по лестнице к выходу. Уселся в машину, и уже через несколько минут они неслись по шоссе к городу. Сергей достал из кармана сотовый телефон, набрал номер и, дождавшись ответа, сказал в трубку: – Я еду домой, к тебе пришлю Руля. Руль высадил Ломакина и, развернувшись на площадке для стоянки автомобилей, уехал к Чугунову. Сергей, зайдя в подъезд, вызвал лифт и, поднявшись на свой этаж, открыл дверь ключом и вошёл в квартиру.

– Ма! Это я, – крикнул Сергей и, разувшись, положив куртку на стул, прошёл на кухню. Он не был голоден, но по привычке зачем-то заглянул в холодильник. На кухню въехала инвалидная коляска, сверкающая блестящими ободками и прочими металлическими конструкциями. В ней сидела лет пятидесяти, но ещё в расцвете лет, женщина – мама Сергея, Анна Семёновна. Волосы, покрытые редкими сединами, были зачёсаны назад и приколоты тёмно-зелёным, с блестящими золотистыми разводами, гребешком. Узкий лоб, с небольшими морщинами, выглядел шире. Чёрные, как насурьмленные брови, сходились у переносья, большие, округлённые карие глаза, прямой нос, слабый пушок над верхней губой, нежная улыбка при виде сына.

– Серёженька! Где же ты пропадаешь? – было её первым вопросом.

– Ну... – Я же беспокоюсь, мог бы хотя бы позвонить.

– Ма! Ты кушала? – вопросом на вопрос отвечал Сергей, пытаясь сбить мать с тона, настроенного на нотацию.

– Приходила Вера Сергеевна, мы немного поговорили, – меняя тон, ласково стала рассказывать Анна Семёновна. Сергей, видя, что мать уже не сердится, за долгое отсутствие начал оправдываться: – Ты же знаешь, что у Светки нет телефона, я ночевал у неё... – но не договорил, сообразив, что мать углубляется в воспоминания дня и волнующие её проблемы, замолчал, слушая.

– Вера Сергеевна приносила пирог, – продолжила начатый рассказ Анна Семёновна, – мы с ней пили чай. У неё всё никак не решаются проблемы со следствием. Следовательно что ли попался бездарный или неопытный... не может даже простое ограбление раскрыть... тем более что Вера описала хулигана с художественной точностью. Она замолчала, что-то обдумывая, потом сказала: – Ты бы хоть покушал, ... ты не проголодался?

– Нет, я не голоден, – ответил Сергей.

– Не понимаю я вас, молодых, – сокрушённо вздыхая, сказала она, – дома не ночуешь, живёте как попало. Тогда бы женился что ли...

– Да женюсь, женюсь, ... наверно... скоро... и внуков ещё понянчишь, надоедят ещё.

– Ну... – многозначительно протянула Анна Семёновна, – когда это будет?

– Ма! Ты иди пока к себе в комнату, отдыхай. Ко мне сейчас должны заехать друзья. Нам надо будет серьёзно поговорить и решить кое-какие дела, – просяще сказал Сергей и налил себе в чашку чай. Анна Семёновна не предполагала и не догадывалась, чем занимается Сергей, она думала, что он трудится в какой-то фирме, ... после того как уволился с работы на заводе. Она развернулась на своей коляске и покатила в комнату, закрывая за собой дверь. Анна Семёновна считала Сергея хорошим, ласковым и заботливым сыном. И он старался быть для неё таковым. При взгляде на мать, у Сергея всегда обливалось сердце кровью, но что он мог сделать сейчас. Её надо лечить, но не хватает средств. Вот он и пытается заработать большие деньги, хотя и не праведным трудом. Работая на заводе, на хорошее лечение в престижной клинике не заработаешь. Оставаясь в одиночестве, Сергей с содроганием вспоминал неприятные эпизоды своей ещё короткой прошедшей жизни. Ему уже за тридцать, а что он видел... Несколько лет он прослужил в спецподразделении ВДВ и побывал в горячих точках – в Карабахе, Чечне. За время службы видел и кровь, и слёзы, и смерть товарищей. Если бы не мать, он бы не очухался после службы, о каком институте могла идти речь. Демобилизовавшись старшиной, он устроился работать на завод... плата маленькая – копейки, не вовремя, а то и вовсе не было денег. Внезапно умер отец: у него случился сердечный приступ. Отец был директором крупного строительного треста. Отношения с отцом последнее время не складывались: слышались постоянные упрёки о несамостоятельности и чёрствости, отец хотел, чтобы Сергей пошёл по его стопам, а Сергей пошёл на завод. После смерти и похорон отца заболела мама, случился тоже приступ, и парализовало ноги. Врачи говорят: всё на нервной почве и что ещё не поздно, лечение вполне возможно – нужны только деньги, очень большие деньги. Сергею

было жаль отца, мог бы ещё жить да жить, и тем более ему жаль маму. Случайно Сергей познакомился со Стапиным, и тот, видя, что Сергей неплохо дерётся и знает в совершенстве приёмы рукопашного боя, к тому же парень с головой, приблизил его к себе, завлёл в свою шайку. И Сергей был вынужден бросить завод – о чём он уже теперь не жалел. Вот это всё и волновало его, давило непомерным грузом, когда он находился в одиночестве; у него всегда была потребность с кем-нибудь общаться. Сергей ещё не успел допить чай, как в квартиру позвонили; по привычке, из осторожности, он посмотрел в глазок, а потом только открыл дверь. Вошли Чугунов, Руль и Бобыкин. Сергей провёл их на кухню, предупредив: – Только тише, мать отдыхает, не шумите, – он закрыл за собой дверь и уже нормальным голосом сказал, – докладывайте, чё накопили. Где были и кого видели? Только не все разом и с толком. Первым, как старший в иерархии, вызвался говорить Чугунов: – Я, конечно же, конкретных результатов не надывал, но движняки пошли. Я был у Болта, он разрулит среди своих пацанов – если что – сольёт на трубу. Был ещё в нескольких местах, но там отказка.

– Так же, как и у меня, – встрял Боб, – никто не видел, никто не слышал. Правда, есть один щегол – из окна видел, как «мерина» обнесли, жалко, что он не разглядел – кто. Всё-таки одиннадцатый этаж. Молодой чувачок обувал: в чёрной кожанке, тачилу сразу открыл – видно спец... Пацан наверху подумал – хозяин, сигналка не сработала, а тот схватил баул и авоську – и в лес... по грибы...

– А что? Там ещё что-то было? – спросил Чугун.

– А как же, – ответил Боб, – кейс и пакет. Но это не наш поцик – залётный. Наверное, пас давно.

– А что у тебя? – поинтересовался Чугун у Ломакина. Руль сидел и молчал, он не занимался этими проблемами, его задача была в обеспечении колёс. – Я тоже пока... ничем порадовать не могу, – сказал Лом и добавил, – погостил у Чарли: пока только намётки, но шанс есть.

– Видно, не наша карта, – констатировал Чугун, – масть не та. Боб хотел закурить и вынул из кармана сигареты, но Сергей его остановил: – Я дома не курю – мать больна.

– Вот и посоветались, – сказал Чугун, а Сергей продолжил, – ну что, разбегаемся? Ещё дел много: надо ещё кое-кого встряхнуть, кстати, может, по этой волне чего-нибудь разгребу.

– Давайте веером тихонько по одному, – скомандовал Чугун.

– Вечером, у кого будет время и деньги, встретимся у Светки, – сказал Сергей всем и обратился к Рулю, – подожди меня, подбросишь до одного места, а то пешком в лом. Они все вместе вышли из квартиры, Сергей захлопнул дверь и, когда они спускались по лестнице, он вновь обратился к Рулю: – Смотри, вечером не нажрись, завтра тачка нужна, рванём в Москву.

– Какого там... – не договорив до конца, спросил Чугун. Сергей не ответил, а сказал: – Дурья башка, забыл, – он развернулся и побежал наверх. Сергей зашёл в комнату матери, Анна Семёновна лежала на кровати и дремала.

– Ма! Я уезжаю, приду поздно... а может, совсем не приду, заночую у Светки, ты меня не жди. Ну, я пошёл. Он поцеловал мать в щеку и ушёл. Когда Сергей вышел из подъезда, все уже сидели в машине, ждали его, сиденье спереди было свободно. Все знали, что Сергей не любит сидеть сзади. Сергей сел в машину, резко бросив Рулю: – К универмагу «Ласточка», надо кое с кем встретиться. Руль завёл мотор, и они тронулись. Руль вёл машину потихоньку и осторожно. Морозец ещё не отпускал, но снег уже прекратился, дорогу укатали, как ледовый каток, и, хотя они ехали на внедорожнике, Руль не торопился. Все молчали, каждый думал о своём, даже Руль не разговаривал и не ругался, если внезапно на дороге появлялся неосторожный пешеход. Показался универмаг, Сергей сказал: – Можешь выкинуть меня где-нибудь здесь, немного прогуляюсь – ноги затекли. Руль сразу же прижался к обочине и остановился; Сергей, не прощаясь с друзьями, вышел и, не оборачиваясь, зашагал к универмагу со светящейся и видной издали вывеской «Ласточка». Джип тронулся и уехал, доехав до перекрёстка – повернул направо и скрылся из виду. Шагая, Сергей насвистывал популярную мелодию.

дию. У входа он в киоске купил пачку сигарет, поднялся по лестнице в магазин. Сергей не торопился, обходя залы, коротая время: до назначенной встречи – двадцать минут. От товаров пестрело в глазах; Сергей из чистого любопытства, а частью с интересом, разглядывал на прилавках и стеллажах товары. Он взглянул на часы – до встречи осталось несколько минут. Поднявшись на второй этаж, пройдя через торговый зал электротоваров, Сергей вошёл в служебное помещение, сразу же направившись к приёмной директора. Сергей взялся за ручку двери, но она не поддавалась, он тихо постучал; дверь открылась. В проёме показалась милостивая молоденькая, с кудряшками волос и испуганными, серенькими, с часто моргающими ресницами, глазами и с вымученной и виноватой улыбкой, как будто она за закрытыми дверями занималась чем-то предосудительным, девушка-секретарша: – В-в-вам кого? – заикаясь, спросила девушка.

– Меня должны ждать, Ломакин, доложи Шерстнёву, – командным тоном сказал Сергей и вошёл в приёмную с тремя столами, стоявшими буквой «П» и заваленными оргтехникой: компьютер, принтер, пишущая машинка и прочее, прочее барахло и хлам. Вдоль стены стояли стулья, на стенах висели плакаты, расклеены какие-то картинки. Девушка нырнула в чёрную, обитую кожей, дверь кабинета и через несколько секунд выпорхнула: – Войдите, – прошипела девушка, оставляя открытой дверь. Сергею показался подозрительным такой приём. Ему стало жарко и душно, но он не стал раздеваться, а только расстегнул замок кожанки и вошёл в кабинет, дверь за ним закрыла услужливая секретарша. От двери и до большого, чёрного письменного стола, за которым восседал полный, с рыжей шевелюрой и такими же рыжими усами, мужчина. Во всю ширину комнаты лежал ворсистый ковёр. По обеим сторонам вдоль стен стояли стулья для совещания, на окнах висели гардины, сдвинутые на края, и перехваченные на уровне подоконников синей ленточкой. Кабинет был большой и казался пустынным из-за малого количества мебели. С бегающими глазками, с небольшой, портящей одутловатое лицо, заискивающей улыбочкой, Всеволод Парамонович привстал, протягивая руку для пожатия. Заговорил ласковым, журчащим, как ручеёк, тенорком: – А... Серёженька... присаживайся... присаживайся. Он пухленькой, с короткими пальцами и нежной, как у женщины, рукой, пожал большую и грубоватую руку Сергея.

– Братва салам загоняет, – сказал Сергей.

– Рассказывай-рассказывай,... как здоровье... чем дышишь? – вновь заурчал голосок, – давненько у нас не был.

– Да как-то недосуг было, Парамоныч, – Сергей уселся в кресло у стола. – Парамоныч! Тут на тебя мои ребята бочку катят, говорят, ты от нас в отказку пошёл, мол, нашёл другую крышу. Как это понимать? Когда тебе трудно было – нужны были. А теперь... с глаз долой, из сердца вон, нехорошо... Парамоныч, – с укоризной сказал Сергей.

– Ну что ты! Серёженька! Как можно? Забывать старых и добрых товарищей.

– Скурвиться хочешь?

– Что ты, что ты!

– А как на- счёт крыши?

– А... а насчёт крыши – верно. Только не моя в том вина, Сережа. На меня наехали... столичные хлопцы,... все хотят в раю жить, ты уж не обессудь.

– Короче так! – категорически сказал Сергей, – если не хочешь иметь неприятности, то отвали, что задолжал и... и жопа об жопу – и кто дальше... остальное решай со Сталиным... не моё это дело, а за долг с меня спросят.

– Что ты торопишь?

– Я-то понимаю, тебе нужно было время... раскрутиться... ты, кстати, Сталина сам просил.

– Ну что ты сердисься, Серёженька? Какой базар? Ради Бога... Шерстнёв встал из-за стола, следом поднялся Сергей. Шерстнев поманил Сергея за собой. Они вошли в другую ком-

нату – за портьерой у кресла, где сидел Шерстнев. Это была такая же просторная, как кабинет, с одним большим, как витраж, с цветными стёклами окном, комната отдыха. У стены стояли сейф, шкафчики со стеклянными дверцами, заполненные книгами в цветных обложках, с вазочками с конфетами и прочими товарами, коими торговал универмаг. На журнальном столике стоял бежевый телефон с автоответчиком, вокруг столика стояли кожаные, с высокими спинками, низенькие кресла, у одной стены стоял такой же кожаный диван, пол был паркетный, у дивана лежал мягкий коврик. Стены под самый потолок для изоляции шума задрапированы тканью бежево-коричневого цвета. В противоположной от входа стене была еще одна, обитая кожзаменителем дверь, которой не преминул воспользоваться, выскользнув, Шерстнев. Сергей сразу же почувствовал подвох. В комнате находились спортивного вида, высокие, в спортивных брюках и футболках, с накаченными мышцами, с бесцветными, казалось, одинаковыми глазами три амбала-кавказца. Амбалы сразу же перешли в наступление.

– Это ты, да, что ли, да, самый крутой, да? – спросил один из них и сделал выпад правой рукой, чтобы ударить по лицу Сергея. Сергей парировал этот удар, уклоняясь в сторону, встал в стойку, двое других, чувствуя превосходство и перевес, наступали. Сергей поймал руку наносящего удар первого левой рукой, правой нанёс чудовищной силы удар в солнечное сплетение, отчего первый осел и вырубился. Сергей взял инициативу в свои руки, зная, на что он способен и не подавляя в себе возникшее чувство отвращения к кавказцам, сохранённое со времён службы, одним прыжком приблизился к двум другим противникам, агрессивно настроенным. Ударом ноги одного из них он подсёк, а другому ударил по лицу. Подсечённый упал, но тут же вскочил, оказавшись сзади Сергея. От удара в лицо кавказец спереди отпрянул и снова ринулся в атаку, по лицу у него сочилась кровь. Амбал сзади ударил Сергея по шее и обхватил, пытаясь задержать, но Сергей, извернувшись, ухватил его за шею, повиснув, двумя ногами ударил нападавшего спереди, он отлетел к стене и, опираясь на неё, медленно сполз и отключился. Обхватившему сзади, Сергей, изловчившись, крутанул голову, да так, что у того хрустнул шейный позвонок. «Пообщался», – подумал Сергей и, вытерев руки о портьеру, достал телефон и позвонил Сталину.

– Ну, ты мне и удружил встречу, с маханием ногами. Парамоныч скурвился и свалил, а я разгребал, двоих вырубил, а третий. кажется, крякнул. Что делать?

– Отваливай побыстрее и подгребай ко мне, потрещим. Сергей вышел через ту же дверь, через которую прошмыгнул Шерстнев в коридор, параллельный тому, через который он входил, только по другую сторону магазина. По пути он никого не встретил, ни Шерстнёва, ни его подручных, не желая на сегодня больше приключений, он, смешавшись с толпой, затерявшись среди покупателей, пробрался к выходу. У входа в универмаг, на стоянке, Сергей нанял такси и назвал адрес Сталина. Подъехав к добротному коттеджу на окраине города, Сергей, расплатившись с водителем, вышел из машины. Открыл калитку и по бетонированной дорожке направился к дому.

Глава четвёртая

Пробежав по «обменникам», мотаясь из одного конца города в другой, потратив на это почти целый день, Стас умаялся и, еле передвигая ноги, поднялся по ступеням перекидного моста через линию. Он вышел к станции и решил, что этого достаточно, того, что он успел обменять. А обменял он уже много, где по сто, где по двести долларов, а у одного менялы, у сберкассы, обменял сразу тысячу. Вконец выбившись из сил, голодный, несмотря на то, что на рынке покупал горячий кофе и пару запеканок, Стас, с промокшими насквозь ногами и порядком замёрзший, купил билет в кассе и прошёл на платформу.

Присев на скамью, стал ждать электричку. Платформа загудела и задрожала, раздался пронзительный, как свист, гудок электровоза, от которого у Стаса заложило уши и загудело в голове. То подходила нужная Стасу электричка. Первый вагон остановился напротив скамьи, где сидел Стас. Зашипели двери, и народ ринулся в вагон. Стас, подхваченный толпой, вошёл в вагон электропоезда и, пройдя через тамбур, сел на первое попавшееся свободное место. Рядом сидела пожилая дама с очень пышными формами и разговаривала с мужчиной её же лет, наверное, это был её муж. Стас не прислушивался к разговору, занятый своими мыслями. Напротив сидела старушка в дореволюционных, отслуживших не один срок одеяниях и держала на коленях плетёную корзину, обвязанную ситцевым платком. Озираясь по сторонам, Стас пытался отвлечься от гнетущих и беспокойных мыслей; читал до боли знакомые ему таблички, расклеенные по всему вагону рекламные плакаты. По мере продвижения электрички от станции к станции, вагон наполнялся народом, становилось тесно и душно. Стас не вставал со скамьи, хотя рядом стояла пожилая женщина с большой и по виду тяжёлой и увесистой сумкой. Воздух становился спёртым, тяжёлым и удушливым до рези в глазах. К аромату приятных духов примешивался запах пота, запах свежей и копчёной рыбы, перегар. Всё это смешивалось и витало в воздухе, делая дыхание затруднённым. Через несколько станций, не выдержав въедливого запаха, Стас встал со скамьи и стал пробираться к тамбуру, протискиваясь сквозь толпу, да и пора... скоро должна быть нужная ему станция. В динамике зашипело, щелкнуло, и приятный женский голос объявил станцию, предупредил пассажиров о соблюдении осторожности при остановке электропоезда, при выходе и входе и ещё раз напомнил о внимательном и осторожном обращении с забываемыми вещами. Электропоезд остановился, зашипели, открываясь, двери, и Стас вышел. В лицо пахло свежим, морозным и немного влажным воздухом, казавшимся таким приятным и долгожданным после спёртого и накуренного тамбура. Стас шёл быстрым шагом по платформе, лавируя, чтобы не столкнуться, между прохожими. Надвигались сумерки. На одной из лавочек, укутавшись в засаленное и потёртое пальто, спал пьяный бродяга-бич, а проходящий мимо милиционер не обратил на него внимания. Стас прошёл через кишашее людьми здание вокзала, через турникет на входе и, не дожидаясь автобуса, мысля быстрее очутиться дома, прошёл на стоянку такси у цветочного магазина. Он сел в машину, назвал шофёру адрес, и, снова отвлекая себя от мыслей и раздумий, глядел в окно, читая все подряд вывески и плакаты предприятий и магазинов. Стас попросил водителя остановить машину, не доезжая до нужного ему дома, вышел, расплатившись за услуги и не привлекая внимания, как шпион, отправился домой. Дверь он открыл своим ключом, Мария Фёдоровна была дома; она сидела на диване, смотрела телевизор и одновременно вязала что-то на спицах.

– А-а, – многозначительно протянула Мария Фёдоровна, – это ты, Стасик. – Да я! – А я уж думала, где пропал. Как работа?

– Нормально, зарплату получил, – соврал Стас.

– Я уж начала беспокоиться, как за своего оболтуса.

– Баб Маш! Есть что-нибудь покушать? – спросил Стас и стал раздеваться.

– Там щи стоят на плите, наверно, ещё не остыли, но если хочешь, подогрей. – Ладно, ладно.

– Если хочешь, я приготовлю ещё чего-нибудь.

– Конечно, если можно, – сказал Стас, вешая куртку на вешалку, – я голоден, как лев, быка сожрал бы. Тёмные, почти чёрные, как у южанина, прямые волосы были всклокочены, серо-зелёные глаза горели, как у голодного волка. Стас прошёл на кухню. Открыл крышку кастрюли и, потянув приплюснутым носом, унюхал аромат щей; не помыв рук, взял тарелку, налил щей. Открыл хлебницу, взял хлеб и сел есть. Мария Фёдоровна пошаркала на кухню, стала что-то готовить, взяась у плиты. Время от времени они перекидывались ничего не значащими фразами, Стас ел щи, расплываясь в улыбке от удовольствия. Расправившись со щами, опорожнив тарелку, Стас принялся за приготовленное Марией Фёдоровной блюдо. Во время еды у него раздувались щёки, как будто он набивал полный рот, а пухлые губы были в соусе, и по подбородку с ямочкой, обросшему щетиной, тоже стекал томатный соус. Переполненному переживаниями, подстёгиваемому чувством голода, а теперь насытившемуся и расслабленному Стасу казалось, что он не едал ничего вкуснее в своей жизни. Как обыкновенные макароны под соусом могут изменить настроение человека! Фыркая и отдуваясь, Стас выпил чашку растворимого кофе и, вконец расслабившись, отправился восвояси, в свою комнату. Достав все деньги, Стас с особой тщательностью пересчитал их, подумав при этом: «Ну и богатство»; уложил аккуратными пачками и спрятал в спортивной сумке, сверху набросив какую-то вещь. Он лёг на кровать, собираясь уснуть, но сон не приходил. Стас, пыхтя, ворочался с боку на бок, сон не шёл, а перед глазами плыли круги, он вспомнил про бумаги, и его обуяло любопытство – что в них? Обуреваемый любопытством, переборов навалившуюся лень, Стас встал, достал бумаги, пересматривая их и не читая текста, доставая по одному листу из файла и ничего не понимая. Но в это время постучали в дверь комнаты, Стас отложил бумаги, это была Мария Фёдоровна: – Стасик! Я до соседки дойду, чайку попьём, сериал посмотрю, сегодня должна быть интересная серия.

– Хорошо, – ответил Стас. Он услышал, как захлопнулась входная дверь. И вновь он занялся бумагами. Раздался звонок – Стас вздрогнул и, не сложив, сунул бумаги под подушку. Открыв дверь, увидел на пороге Боба.

– Здорово. Не ждал?

– Здорово, заходи. Стас провёл Боба на кухню. Тот вёл себя развязно и нагло.

– Выпить хочешь? – спросил Стас.

– Не откажусь, недогон, башка трещит с похмелья. Стас открыл холодильник и, достав початую бутылку водки, взял стопочки и разлил.

– Дорогая! – заметил Боб.

– Хозяйкино.

– Крутая бабка! Ну, вздрогнули! Они выпили, закусили остатками ужина.

– Ну, давай, насыпай. После первой и второй – перерывчик небольшой, – сказал Боб, и они снова выпили.

– Ты знаешь, я к тебе вроде как по делу, – затеял разговор Боб.

– Слушаю внимательно, – немного охмелев и осмелев, сказал Стас.

– Ты знаешь, я тебя уважаю, клянусь соседским поросёнком, в дружбе, у меня есть работа: не пыльная, но денежная. Хочешь? Ты же всё равно на мели. Главное, с людьми уметь разговаривать да деньги считать. Понял, а?

– Ну, что-то вроде того... Они допили водку, и Боб предложил: – Может, ещё за одной сходить? Бабки есть.

– Не... я больше не буду, да и хозяйка скоро придёт.

– Ну, тады ой,... Кстати, о птичках... Ты не слышал, у вас во дворе фраера кинули, тачку подчистили?

– Не... я не в курсах, – ответил Стас, – целыми днями бегаю, работу ищу. Боб не противоречил, уже порядком захмелев на старые дрожжи. С мутными глазами, морща лоб, пытался сосредоточиться, силясь вспомнить: зачем он приходил. Встал, пошатываясь и направляясь к выходу, сказал: – Ну, ладно... братан... пора мне. Будет нужда – обращайся, я всегда подмогну. Стас, проводив гостя, вернулся в свою комнату, к бумагам. На этот раз он стал просматривать их более внимательно, читая каждую страницу. Он ужаснулся, когда сообразил, что бумаги ценные, похожи на разведданные: там значились списки каких-то должностей, фамилий, руководящих работников оборонного завода. С подробными чертежами плана завода: в каждом квадратике обозначен номер цеха, его номенклатура: токарный, фрезерный, настроечный. Далее в бумагах было подробное описание продукции, выпускаемой заводом, фамилии начальников цехов и подробное описание их характеров, привычек, расписания дня; описание людей, склонных к тем или другим вредным привычкам, кого из людей можно использовать для каких-то целей. Стас понял, что документы не имеют цены и похожи на шпионский отчёт. Он подумал: «„Документы надо отнести в милицию“», но... вспомнив, каким путём они добыты, осёкся и задумался. Стас отложил бумаги в сторону и решил прослушать кассеты. Он вставил одну из них в магнитофон и стал слушать. Ничего особенного, кроме популярной танцевальной музыки и шлягеров. Стас слушал кассету урывками, то и дело перематывая ленту вперёд. Потом он поставил другую – то же самое. Изрядно утомившись, он решил отдохнуть, но... музыка прервалась, послышался разговор двух мужчин. Стас ничего не понял, голова уже плохо соображала. Единственное, что он понял – кассета имела прямое отношение к бумагам. Стас хотел пойти к другу Генке: поделиться впечатлениями и попросить совета, но, посмотрев на часы, оставил эту затею на завтра. «Ну, я и влип», – подумал Стас. От нервного напряжения и усталости за день, под воздействием выпитой водки его сморило, он лёг на кровать и сразу же заснул. Почти всю ночь ему снился кошмар: за ним кто-то гоняется, бородатый, с большим ножом и пистолетом, требуя вернуть бумаги. Стас проснулся рано утром весь мокрый, в холодном поту от испуга; под воздействием увиденного сна его воображение разыгралось. «Я точно влип в неприятность», – подумал он и был прав. В этом году Стас с большими натугами, кое-как, закончил одиннадцатилетку, его манили горы и, стремясь осуществить свою мечту, он, покинув дом родной, пытался поступить в столичный горный институт, чтобы стать геологом-горнодобытчиком, но срезался. Имея отсрочку от армии, домой решил не возвращаться и на следующий год попробовать поступить ещё раз. С работы выперли, хорошо хоть он за квартиру заплатил за три месяца вперёд. Стас взглянул в зеркало и увидел безобразное своё лицо, с отёкшими глазами, с торчавшей щетиной, и решил побриться. Трясущими руками он достал электробритву и выронил её из рук, пластмассовый корпус раскололся, а внутри обнаружилось что-то. Стас разломил корпус и вынул упакованную компьютерную дискету. Никаких идей у него не было, но он твёрдо решил посоветоваться с другом. Стас быстро перекусил, оделся и вышел, взяв с собой только бумаги. Погода была скверная: во всю крупными хлопьями шёл снег, наметая на дорогах толстый слой, а на обочинах сугробы. Идти было трудно, дул сильный и холодный ветер, снег попадал за шиворот и расплзался по спине леденящим холодом. Стас поднял воротник куртки. Дойдя до Генкиного дома, остановился; ветер гудел не только в ушах, но и в голове, казалось, что он даже проникал в мозг. Стас ещё колебался, рассказывать ли другу все, что с ним произошло. Он придумывал, как начать разговор, но ничего не приходило в голову путного. Ещё немного постояв, вконец замёрзнув, переборов свои сомнения, Стас решился: «Будь что будет, в крайнем случае, что-нибудь привру». Дверь открыл Виталий Григорьевич, отец Генки: – А... это ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.